

Галина Вольская

Прекрасные 90-е

Для кого-то они были действительно прекрасными. Спорили с близким человеком, он-то в это время хорошо развернулся. Держал видеосалон, продавал и давал напрокат «пиратские» кассеты. Смог купить дом с участком, старенький «Запорожец», полупрофессиональную видеокамеру. А мне пять раз пришлось поменять место работы. О трех из этих мест я рассказывала в других произведениях. Осталось рассказать о двух последних, на которых я работала перед тем, как снова вернуться в воинскую часть.

Со своей специальностью я попала «в кон». Компьютеры только начали появляться, программистов не было, работу мне предлагали. Про контору очистки мне сообщила Люба. Мы с ней работали вместе у частного предпринимателя. Позднее Люба стала работать в городской администрации, к ней часто обращались с предложениями, о некоторых местах она говорила мне. Я не думала, что придется обращаться в эту контору, но работа на экспедиционной базе меня стала не устраивать, а ничего другого, более подходящего, пока не было. Знала только приблизительно район, где она находится, спрашивала у прохожих, никто не мог объяснить. Пока женщина с ведрами у колонки не воскликнула:

- Говёнка-то! Да вон там!

Прошла в открытые железные ворота, вошла в дверь одноэтажного строения, больше похожего на сарай, чем на какую-то контору, разыскала кабинет директора. Компьютера у них еще не было, только собирались покупать, но принять программиста он был готов. Определили меня в комнатуху, где сидели экономист, главный бухгалтер, бухгалтер-разработчик. Определить задачи, которые мне надо будет решать, и начать писать программы я могла и без компьютера.

Помещение обустраивали, ремонтировали комнаты, коридоры, клеили обои. Вскоре мне купили компьютер и выделили кабинет на двоих с бухгалтером-разработчиком. Выяснилось, что мы учились с ней в школе в параллельных классах, она меня помнила, я ее нет. Выпускных классов в тот год у нас было пять: три десятых и два одиннадцатых. Я училась в десятом-первом, «элитном», Таня училась в десятом-третьем.

Называлось предприятие «Специальное автохозяйство» - СпецАТХ, директор – грубый, амбициозный Беленков. В его подчинении дворники, водители мусороуборочных машин, участок, занимающийся озеленением города. На территории участка озеленения были также теплицы, где выращивали овощи, цветочную рассаду.

Экономист СпецАТХ сумела добиться в городской администрации, чтобы работникам управления выплачивали премию, равную окладу. Премия начислялась, но с выплатами были проблемы, как и везде в те годы. Зарплату задерживали, но в счет зарплаты можно

было взять некоторые продукты, овощи из теплиц. Я составила программу, позволяющую четко прослеживать выдачу продуктов. Некоторые работники просто забывали, когда и что брали. Были и такие, кто просто не доносил продукты до дома, объясняя женам, что это в бухгалтерии недоплачивают им зарплату. Возмущенные женщины прибегали разбираться, и здесь очень помогли мои распечатки.

Беленков не церемонился не только с рабочими, но и с работниками управления. Вызывал в кабинет, не здороваясь, не предлагая сесть, заставляя стоять перед ним. После работы управленцев отвозили по определенной трассе на служебном автобусе. У директора почему-то очень часто в конце дня появлялись неотложные дела. Он вызывал к себе в кабинет то одного, то другого, всем остальным приходилось сидеть в автобусе и ждать. Я продолжала работать по совмещению в роддоме, мне надо было ехать туда. Там, конечно, работают круглосуточно, я могла открыть свой кабинет в любое время. Но нужно и с другими работниками успеть встретиться, страшно возвращаться домой совсем поздно, да и сил нет. Пришлось оформить шестичасовой рабочий день без обеда. Беленков с неохотой согласился на мои условия, заменить меня пока было некем.

Он мог без предупреждения отправить всех работников управления высаживать цветочную рассаду в центре города. Наш главный бухгалтер смотрелась на газонах довольно забавно в своей мини-юбке, на высоченных каблуках и с крошечной сумочкой на ремешке через плечо. Как-то сажали цветы на выезде из города в очень жаркий день. Мне захотелось пить, я сделала большой глоток из одной бутылки, полагая, что там лимонад. Оказалось - подсолнечное масло. Никогда не думала, что это такая гадость! В конторе еще долго надо мной подшучивали: «Подсолнечное масло без закуски у нас только Галина Павловна пьёт».

Иногда, правда, нам устраивались банкеты. На свой день рождения Беленков вывез всю контору на туристическую базу на берегу Волги. Угощал шашлыками, с удовольствием выслушивая хвалебные тосты в свою честь.

Начислять и подписывать премию сам себе он не мог, его должны были награждать как-то по другой линии. Он долгое время был не в курсе того, какая премия начисляется его работникам. И вдруг обнаружил, что его заместитель получает гораздо больше, чем он. Разразился грандиозный скандал, он потребовал задним числом удержать эту премию со всех. Поскольку зарплату сильно задерживали, деньги все равно еще были не выплачены, это, оказалось, возможно. Все промолчали, а заместитель не согласился, подал на директора жалобу в суд, и ему выплатили все до копейки, включая еще моральный ущерб. После этого заместитель уволился, но смог на эти деньги провести свадьбу дочери.

Был момент, когда я бросила на стол директору заявление об уходе, не подыскав предварительно другое место работы, хотя раньше я так никогда не делала. К счастью, в тот раз он мое заявление не подписал.

А потом все та же Люба сказала, что есть работа в налоговой инспекции. Я пришла к ним, но они посмотрели на меня весьма скептически, заявили, что им желательно принять мужчину, нужно устанавливать локальную сеть. Такими вещами я действительно не занималась, поэтому предложила эту работу сыну, работавшему в администрации ЦРБ (центральной районной больницы), с условием, что я пойду на его место. Рокировка

произошла, но в ЦРБ Алеша всем очень нравился, меня встретили в штыки. Сначала мне не хотели выплачивать доплату, которую ежемесячно получал Алеша. Потом мне заявили, чтобы я не ходила на обед, хотя Алеша всегда ходил, и ему никто ничего не говорил. Официально они работали без обеда до 4-х часов, перекусывали на работе, некоторые уходили. Я все также шла после работы в роддом, и если ограничиваться чаем с бутербродами, начинала кружиться голова. Пришлось также оформлять сокращенный рабочий день. Правда, потом в отделе кадров устыдились и стали ставить мне полные часы.

Доплаты работникам администрации шли из средств, перечисляемых по фонду медицинского страхования, но об этом никто не должен был знать. Тем более в больнице говорилось, что ничего не перечисляется, больные покупали лекарства за свой счет. Собирали даже собрание, где предупредили, что ни мужу, ни жене, ни родственникам нельзя сообщать, сколько получает работник администрации. Вплоть до увольнения.

Здесь я смогла выдержать только полгода. Как только мне позвонили из воинской части, где я работала до перестройки, с предложением вернуться на свою прежнюю должность, я уволилась и ушла к ним. Это был 2000 год.

Запомнила еще, что в той и другой организациях очень настоятельно рекомендовали за кого надо голосовать при выборах в местные органы: «Другие все равно не смогут там работать, их пережуют и выплюнут». Предлагались в основном представители коммунистической партии.